

Д. К. Бурлака

**ПУТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ.
ОТ МАРКСИЗМА К ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМУ:
ТВОРЧЕСТВО АНАТОЛИЯ ИЛЬЧА МАИЛОВА***

Непосредственным поводом появления данного текста является 80-летие со дня рождения Анатолия Ильича Маилова (06.12.1932–10.10.2011). Это имя малоизвестно современному читателю. Анатолий Ильич — мой учитель в области философии. Я учился, и меня учили многие, этот процесс не окончен и поныне. Но Анатолий Ильич — учитель по преимуществу. В качестве актуальной проблематика его научно-педагогической деятельности может быть воспринята при постановке в более широкий контекст. Таковым выступает советская и постсоветская философия в целом и научно-педагогическая деятельность РХГА в частности. Именно этому был посвящен мой доклад на семинаре «Русская мысль» 7 декабря 2012 г., на основе которого и появился данный текст. Я учел в статье и некоторые вопросы, заданные после доклада. В свое время академик РАО (а тогда еще молодой и скромный доктор философских наук и профессор Александр Аркадьевич Корольков) высказал мысль, что Анатолий Ильич из тех оригинальных мыслителей, которые обречены на непонимание. Поэтому я не только поставил сообщение о творчестве Маилова в более широкий контекст, который наверняка заинтересует всех присутствующих, но и попытался и несколько осовременить его идеи, истолковав их с учетом собственной концепции.

Чтобы сказать, что такое постсоветская философия, надо понять, чем была философия советская. В связи с этим освещу три неравные по значению и по объему темы: 1) советская философия, её сущность, истоки, эволюция, что делал Маилов в рамках советской философии, что это за извод ее такой был им представлен; 2) постсоветская философия: истоки и основные тенденции, и что здесь опять-таки сделал Маилов; 3) о творчестве Анатолия Ильича: о том, что было подхвачено учениками и о том, что не получило продолжения.

Известное афористичное определение Гегеля гласит, что философия есть не что иное как дух эпохи, выраженный в мыслях. Этим была и советская философия. Я позволю себе уточнить гегелевское определение. Понятие духа слишком расширено у него, захватывая в том числе и сферу психического, мир идеологем и мифов. Я бы сказал, что *философия представляет собой своеобразную рационализацию базового мифа эпохи*. Миф отличается от собственного духовного опыта и духовно-функциони-

* Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ, соглашение № 14.U02.21.0028.

ванного мышления тем, что несет в себе большое число душевных элементов. В мифе душевное и духовное переплетаются друг с другом вплоть до неразличимости. В широком понимании духа как деятельности по производству, созерцанию и воплощению смыслов Гегель прав, но в более конкретном (с учетом наработок Бердяева и Лосева) я бы предпочел использовать концепт *рационализирующейся мифологемы*.

У советской философии были предпосылки духовные, культурно-исторические, и собственно философские. Она выросла из духа Октябрьской революции, смысловым ядром (энтелехией), которой была мифологически фундированная воля к построению качественно нового совершенного строя — социализма, а потом и коммунизма в одной отдельно взятой стране — в России. Россия на рубеже веков представляла собой своего рода теократию, хотя уже и не классическую. Но все-таки — православную империю. В ней шли процессы секуляризации, и как результат этих процессов можно рассматривать и Октябрьскую революцию, а соответственно, и те изменения, которые она инициировала. Однако у России своя особая судьба, в том числе и на путях секуляризации. На смену теократии пришла не секулярная модель социума, как в странах Западной Европы, а новая теократия, квзитеократия, псевдотеократия, где роль православной теологии стала исполнять коммунистическая идеология. Если западноевропейский классический вариант секуляризации шел от Логоса к рацио, причем преимущественно скептическому рацио, то наш русский осуществлялся по направлению смены Логоса мифом. Мифом коммунистического светлого будущего, коммунистического рая, построенного на земле самими людьми без Бога. В России реализовался причудливый гибрид ветхозаветного хилиазма и двух мифов — неязыческого (о саморазвивающейся материи) и специфически русского — об особой миссии России в мировой истории. В этом смысле *настоящая секуляризация у нас начинается только сейчас, когда изжил себя в массовом сознании коммунистический миф*. В этом особенность нашей пост-секулярности, в которой мы сейчас живем.

Соответственно и народившаяся советская философия выполняла функции не только собственно философии, но и теологии, и главное — идеологии. Советская философия служила превращенной формой теологии, где Богом фактически выступает вечная материя, всё порождающая (или творящая, так как различия между творением и рождением исчезают, поглощаясь категорией развития), делающая себя своим иным — «мыслящим духом». Материальная субстанция, вечность и креативность которой доказать невозможно (можно верить в это, постулируя и догматизируя) есть фактически бог материалистов, точнее говоря — богиня-мать, диалектического материализма. Как следствие базового онтологического принципа и по аналогии с христианским богословием появляется еще один перевертыш — собственная «несвятая троица»: Маркс, Энгельс, Ленин. Позже в лице Сталина появилась четвертая ипостась (сталинизм — подобие софианской ереси). Вспомним ментально-идеологическую конструкцию российского Православия: один Бог, один царь, один народ, одна церковь. Один бог — материя, одна церковь — компартия. Один народ — советский, т.е. новая историческая общность людей. Наконец, один царь — генсек, который соединяет в своем лице полноту духовной, как у Папы или Патриарха, и светской, как у кесаря, власти. Не хочу сказать, что перед нами тождество, но это некое подобие структур, или «псевдоморфоз», как говорил П.Б. Струве. «Псевдо» ли эта трансформация православной теократии в коммунистическую, либо за данным изгибом отечественной истории стоит выражение некой глубинной сущности, когда в рамках византийской модели церковно-государственных отношений церковь минимизирует

сотериологическую нагрузку в пользу идеологической, мы сейчас обсуждать не будем. Однако из указанного обстоятельства подобия структур при смене содержания на противоположное нужно исходить, чтобы понять, в чем была духовная сущность советской философии. Советская философия — это смесь идеологии, собственно философии и превращенной теологии.

От духовных предпосылок перейдем к культурно-историческим. В качестве существенно важной хочу отметить не очень высокий уровень массовой культуры в той стране, где была организована революция. Ленин писал о многоукладности нашей экономики, но также можно говорить о многоукладности российской культуры к тому времени. Бессспорно, была элита, в чем-то продолжавшая, а в чем-то отказавшаяся от традиций Золотого века отечественной культуры. Но это была достаточно узкая прослойка. Были слои в середине цивилизационного пространства. Менялось сознание нижних слоев социума. И Ленин и Троцкий любили поговорить на тему «нашей и их» культуры и морали, положив начало одной из версий — классово-интерналистической — нацизма. Мало того: по Ленину именно примитив объявляется ценным, тем зерном, из которого вырастет новая жизнь. И здесь опять-таки отмечу извращение новозаветной идеи о том, что «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых» (1 Кор: 1.27). «Немудрое» в христианском смысле представляет собой антипод фарисейству и книжной учености, такое сознание, которое движется смирением и любовью к ближнему, а вовсе не самодовольством и классовой ненавистью. Кроме того, во время революции произошло вымывание или физическое уничтожение части мыслящего слоя. Поэтому стартовые интеллектуальные позиции советской философии были, мягко говоря, не самыми благоприятными. Особенно если мы будем сравнивать с классическими образцами: Греция и Рим, Средние века, Европа Нового времени. В России кроме того произошел очевидный разрыв в естественном интеллектуальном развитии.

Какие собственно философские предпосылки советской философии? Я думаю, что это конечно Гегель, а от Гегеля — немецкая классическая философия. Этим предпосылкам не исчерпываются, но без этого ничего бы не получилось. Я все-таки ставлю этот источник на первое место. Другая предпосылка — это материализм. От него идет еще более широкая симпатия — сциентистская, с особенной любовью к естественным наукам. Ведь естествознание изучает (пусть и фрагментарно, на уровне явлений и частных законов) «матерь нашу» — материю. По этой линии материализма идет связка с позитивизмом, который классики критиковали, но фактически заимствования происходили на самом деле и от позитивизма. А от лозунгов материализма о собственной научности и реальной любви настоящих позитивистов к естественным наукам в советской философии родилась тяга к исследованию наук, норм и идеалов научности. Позитивизм — источник неочевидный, но исследование истории советской философии, взятой в реалиях, а не в идеологемах, его наличие демонстрирует от начала (полемика Ленина с внутренними уклонистами, соблазнившимися эмпириокритицизмом) до расцвета и исхода.

Четвертым источником советской философии была марксистско-ленинская теория революции. У Ленина была работа, с которой должны были ознакомиться все студенты советских вузов — «Три источника и три составные части марксизма». Речь идет о философии, политической экономии и научном социализме. Так вот для казуса большевистской революции и, соответственно, порожденной ею философии область экономического анализа наиболее чужда. Очевидно, по причине значительного удель-

ного веса собственно научности в экономике. Маркс — великий экономист, его же теория коммунистической революции представляет собой самую мифологичную часть системы, разновидность ветхозаветного хилиазма, предполагаемого к реализации на секулярной платформе. Ленин в этот миф внес свои добавки, творчески переработав специфически русскую мифологему «Москва — III Рим». Поэтому я экономику специально выпускаю, это было не так важно на этапе становления советской философии, а вот мечта сделать революцию успешно, да еще в неблагоприятных условиях одной отдельно взятой страны, конечно, представляет собой источник советской философии. И он явно рифмуется с построениями русских историософов и культурологов об особенном месте России в всемирной истории.

Историю и эволюцию советской философии я разбил бы на три этапа.

Первый — до конца 1920-х гг. Речь идет о подавлении различных групп, которые не являлись марксистски политизированными в собственном значении этого слова и о монополизации идейного комплекса и самого, как это ныне модно ныне говорить, философского дискурса. Разные там тогда люди были. Присутствовали психоаналитики, влечеение к фрейдизму было немалое, были феноменологи, Лосев что-то пытался говорить самостоятельное. Всякие дискуссии шли, но все это прекратилось к концу 1920-х гг.

Дальше — от конца 1920-х гг. до XX партсъезда — период идеологического расцвета, характеризующийся догматичностью и радикальной идеологичностью. Вот она победа, единая истина, которая с разных точек зрения проповедуется обездоленным, а ныне осчастливленным. Враги «кладутся у ног», причем без какого-либо сострадания, но с явным языческим пафосом: горе побежденным! Эту работу выполняет слаженная команда. Перед нами не соборность, а именно иерархически (по типу ордена) организованная команда. Философия явно рассматривается как служанка политики. Собственно ничего нового тут нет, и в Средние века был лозунг, что она служанка теологии, а советская философия и сама отчасти теологические функции выполняла, и обслуживала политику.

Наконец, третий самый интересный по содержанию период — от XX партийного съезда до распада СССР. Что характерно для этого периода? Внутренняя дифференциация, инкультурация и интернационализация советской философии. Все эти процессы тесно связаны. XX партсъезд разоблачил и осудил софианскую ересь, убрав четвертую ипостась из коммунистического пантеона. Можно рассматривать его и как начало реформации. Хрущев эксплуатировал лозунг «возвращения к истокам», обретения подлинной коммунистической святыни, связанной с третьим лицом несвятой троицы — Лениным. Он потребовал отбросить наследие Сталина, обратившись к первоисточникам — трудам Маркса, Энгельса, Ленина. Так в свое время Лютер провозгласил безоговорочный примат священного Писания над преданием. Темная ночь сталинского средневековья закончилась, просияла надежда на новую жизнь. В области литературы и публицистики можно обнаружить специфические аналогии и «Новой жизни» Данте и «Речи о достоинстве человека» Пико и прочих гуманистов. Коммунистическая система в конечном счете реформации не выдержала, а радикальные гуманисты трансформировались в диссидентов. Как и на исходе Средневековья, благодаря реформаторам и гуманистам, одной из центральных ценностей становится свобода. XX съезд — это свобода. Раз политическая свобода, значит появляется свобода дискурса. Свобода периода хрущевской «оттепели» довольно-таки относительна, что опять-таки соответствует веку не Просвещения с его идеями разделения властей,

примата права над властью и религиозной терпимости, а постсредневековой атмосфере эпохи Возрождения. Тем не менее, новый этап начался.

К этому времени складывается самобытная советская культура. Как бы мы ни оценивали её духовные основания (а на мой взгляд, мифологически фундированый атеизм был системным пороком советского строя) в СССР бесспорно была своя цивилизация. Появилась своя поэзия, литература, музыка, кинематограф. Даже такие писатели, которых считают скрытыми или явными антисоветчиками — Б. Пастернак, А. Солженицын, А. Зиновьев — представляют собой феномены именно советской культуры. Были и собственно советские творцы, пусть и не того масштаба как Л. Толстой или П. Чайковский. Например, В. Высоцкий и Б. Окуджава представляют собой феномены именно советской культуры и вне ее контекста уже сложно опознаваемы. О техническом и научном прогрессе говорить и не приходится. Именно СССР стал сверхдержавой, создав мощнейшую фундаментальную науку и передовую технику, первым выйдя в космос. Советская система образования была одной из лучших в мире за всю историю педагогики. Начала складываться особенная этноконфессиональная общность, центрированная вокруг русских и русского языка, но уже без Православия, которую в эпоху развитого социализма стали осмысливать как «советский народ». Что бы про Ленина и про Сталина ни говорили, они провели культурную революцию. Страна стала почти поголовно грамотной. Появилась своя интеллигенция. Советская интеллигенция — важнейшая составная часть советской культуры. Она была не только интеллектуальной надстройкой над рабочим и крестьянским сословиями и не только «прослойкой» между этими классами и номенклатурой, но и носителем ценностей. Д. С. Лихачев определял интеллигента по обостренному моральному сознанию. Интеллигенция в каком-то смысле заместила уничтоженное священническое сословие. Разросшаяся и самовоспроизводящаяся (династии учителей, врачей, инженеров) интеллигенция стала отличной питательной средой для развития философии. Советское государство, утрачивая откровенно репрессивные характеристики, неизбежные в условиях революции и войны, стало обретать цивилизованные черты. Сложилась своя правовая система, своя система естественного права. Даже стал складываться своего рода рынок, включающий такой специфический механизм, как внemonетарный обмен услугами. Одним словом, культурное пространство оформилось и стало содержательно насыщенным на всех уровнях — когнитивном, эстетическом, социально-практическом, можно говорить и о специфическом духе советской культуры, об эксклюзивно советских мифах.

В этом новом пространстве философия соответствующим образом развивается. В той мере, в какой мыслит общество, и философия как мышление о мышлении тоже осуществляет свою миссию. На этом этапе развития советской философии динамика сопровождается дифференциацией. От сугубо политических вопросов и комментирования текстов классиков — к изучению реальных проблем. Издание собраний сочинений классиков дало возможность проникнуть в лабораторию их мысли («Рукописи» Маркса, «Философские тетради» Ленина), четче обозначился диалектический исток марксизма, восходящий к Гегелю. Продолжаются традиционные направления: в рамках онтологии предлагаются различные модели материи и интерпретации принципа развития, разрабатывается диалектика как логика и теория познания. Изучается и осмысливается на новом уровне тематика общественного развития в связи с итогами Второй мировой войны, появлением соцлагеря, возрастанием роли техники. Интересны новые веяния. Странные появляются

направления, недолжные с точки зрения марксизма. Этика, например. Ленин вполне солидарен с редукционистской позицией Троцкого, согласно которой «в марксизме от начала до конца нет ни грана этики»¹. И он по большому счету прав: если под этикой понимать не редукционистские доктрины вроде гедонизма или утилитаризма, а считать мораль важнейшей областью духовной жизни, основанной на свободном самоопределении личности, то марксизм антиэтичен. Но появляются этические исследования в СССР и даже кафедры этики и эстетики. Почему? Просто потому, что такова природа метафизического знания, оно не может без аксиологической проблематики. Поэтому можно согласиться с академиком А. А. Гусейновым, что начиная с 60-х гг. одной из задач советской философии становится «реабилитация» морали. На идеологическом уровне этой тенденции соответствует появление «морального кодекса строителя коммунизма», который, как это не парадоксально, восстанавливал и узаконивал многие христианские ценности на атеистической основе. Появляется эстетика, которая также стремится сбросить с себя оковы историко-материалистической доктрины. Бурно развиваются естественные науки, и в этой ситуации уже нельзя ограничиться одним тезисом Ленина о том, что материя неисчерпаема или электрон неисчерпаем, нужно смотреть, что происходит в мире. Изменения нужно осмысливать, а диалектический материализм должен дать компетентный ответ. Отсюда близость к позитивизму и западной философии науки. А чтобы дать такой ответ, нужно изучать эти самые науки. Как следствие, в философию пошли умные люди, обладающие соответствующим естественнонаучным или классическим образованием. Философия, в общем, начинает обретать те же очертания дискурса, что и в других странах. Железный занавес пока еще не рухнул, но пошли более интенсивные контакты с западным миром. Хотя бы под лозунгом того, чтобы быть врага, нужно знать его.

Вот в это благоприятное время, когда учились и мы, работал Анатолий Ильич Маилов. Александр Александрович Ермичёв тоже работал в это время. Благодаря своему месту в составе советской культуры, философия стала в СССР профессией. Какие группы и ориентации можно выделить внутри этого профессионального сообщества? Сохранилась каста слуг, которые обслуживали идеологию — либо они служили искренне, либо за деньги коммунистической идеи и номенклатуре. Пришла еще группа философов интересная и сильная, потомки которой сейчас заняли доминирующее положение,— позитивисты. То есть философы, которые отталкиваются в своих построениях от реального изучения того, что происходит в позитивных науках. Они могут быть чисто гносеологами, как были Нарский и другие, они могут быть онтологами, как Свидерский наш, ленинградский. Но в любом случае они от естественных наук идут. И это логично, потому что материализм, как говорил Энгельс, неизбежно будет менять свою форму, сохраняя сущность, в зависимости от того, какие изменения проходят в науках. Была и другая группа, назовем их диалектиками. Их было немного, но они были умными. Библер, Батищев, Ильенков в Москве. Эти имена известны. Можно продолжить: Лекторский ныне здравствующий. А в Петербурге, конечно, два имени. По крайней мере, известны нашему поколению. Это Евгений Семенович Линьков, единственный, наверно, из тех, кто сумел оставить после себя школу, и Анатолий Ильич Маилов, который школы в традиционном смысле слова не оставил, но ученики у него тоже есть.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 1. С. 440.

Что, собственно, представляла собой диалектико-логическая концепция Маилова? Попробую схематично изобразить условия ее возможности. Марксизм-ленинизм надо развивать, пишет Ленин. Для того, чтобы его развивать надо знать предшественников. Кого из предшественников? В первую очередь Гегеля. Невозможно понять «Капитала» не освоив всей Логики Гегеля, находим мы признание Ленина в «Философских тетрадях». Был лозунг в Гражданскую войну: пролетарий — на коня. После Великой отечественной: «Пролетарский философ! Давай изучать Гегеля!» Однако Гегеля невозможно усвоить, не осмыслив всей истории философии. Начинаешь изучать Гегеля — выходишь в историю философии. Отсюда более широкая панорама — всей истории мировой культуры. Как следствие, обозначается религиозный горизонт. Я помню, как я сам подвинулся к этому: открыл книгу Гегеля и где-то на третьей странице читаю, что Бог и только Он является предметом философии. Я на третьем уже курсе был, ничего себе! Я-то думал, что философия совсем другим занимается, а оказывается — Богом. Вот так опасно изучать Гегеля.

Какая задача ставится? — Материалистическое прочтение «Логики» Гегеля. Как это сделать? — С позиций исторического материализма. У Гегеля дух движает историей, а у Маркса она разбивается на общественно-экономические формации. Значит, требуется выявить, как общественно-экономические формации производят ту или иную форму идеологии, в рамках которой находятся и религия, и философия, и искусство. Маилов и двинулся по дороге исполнения этой непростой задачи — материалистически прочесть и перетолковать «Логику» Гегеля, протаптывая при этом свою особую тропку на этом тернистом пути, за что периодически получал иногда достаточно сильно. Из партии его не исключили в свое время, но в ссылку (с факультета в НИИКСИ, с отстранением от преподавания) направляли. Ведь хрущевская «оттепель» уже прошла к тому времени.

В гегелевской системе имеются логическая и историческая составляющие. Логическая представлена в его важнейшем произведении «Наука логики», а историческая в реальной философии. В «Фенomenологии духа», которую Маркс называл истоком истоком и тайной гегелевской философии, логическое и историческое еще свернуты и переплетены. В дифференцированном виде реальная философия у Гегеля составляет основной объем текстов: философия природы и философия духа, которая включает в себя области государства, права, морали, истории, религии, искусства и истории философии. Но центр — «Логика». Что самое интересное в «Логике»? Категории, всеобщие формы мысли. Но поскольку мысль лежит в основании бытия, т.е. быть значит быть в сущности некой идеи (вещи возникают и гибнут, будучи лишь оболочками сущности), поскольку мышление есть основа самого мироздания. Перед нами базовый тезис идеализма: мысль и бытие — одно. Его первую формулировку принято возвращать к Пармениду. Согласно позиции объективного идеализма, вещи существуют (и не существуют), идеи — бытийствуют. Аристотель доводит идеалистический принцип до логического предела: Бог — идея идей, Ум — перводвигатель. Христианская мысль трактует этот Ум персоналистически. Особенность Гегеля, отличающая его от классиков от Парменида и Аристотеля и до многих, включая схоластов, в том, что он мышление понимает исторически, очень динамично. Оно оказывается у него процессом, и этот процесс осуществляется как в вечности (развитие понятия), так и внутри самой истории. История выступает последовательностью формообразований духа. Что выполняют категории «Логики» в этой последовательности формообразований духа? Они выполняют роль, как сказал бы Томас Кун, парадигм мысли. Получается, что для

каждой эпохи есть своя парадигма, после Куна это понятно, потому что после Куна мы стали распространять термин «парадигма» и на политику, и даже на религиозную сферу. На самом деле то, что сделал Кун — это постпозитивистская популяризация гегелевских идей в той версии, когда логическое и историческое как бы коррелируют друг друга. Гегель, в отличие от американского позитивиста, панлогист: в его системе Логика правит миром. Марксизм, и в этом его близость к позитивизму, настаивает на примате исторического.

А. И. Маилов предложил рассматривать категории как способы мышления эпохи, базовые принципы, которые осуществляются в самом способе производства — не экономического, и здесь он опять из позднего из Маркса делает хорошую выдержку, а способа производства самой жизни. И, соответственно, философские системы фиксируют смену культурно-исторических парадигм. Следовательно, чтобы нам выстроить диалектическую логику, мы должны обратиться к материалу истории культуры и, перевернув (по заповеди Маркса) Гегеля с головы на ноги, от исторического перейти к логическому, а не наоборот. Маилов выстраивает свою модель диалектической логики, в которой предполагается развертка категорий в соответствии с историей мышления. При этом Маилов шел не от Парменида, а от Фалеса. Он подавал свою концепцию в разных видах, у меня сохранились наброски и варианты. Вводится понятие «сетки категорий». Идея «сетки категорий», я думаю, именно благодаря Маилову сейчас стала своего рода уже хрестоматийной, по крайней мере, в ленинградском философском сообществе. Согласно Маилову, сетка категорий — т. е. те призмы, сквозь которые мы смотрим на мир, складывается исторически. Т. е. формально (на уровне бессознательного применения) набор категорий один и тот же всегда, их еще Аристотель описал. Однако в содержательном плане, когда речь идет о построении картин мира, чем и занимается философия, опираясь на разум, в ту или иную эпоху определенная категория выходит на передний план, что фиксируется соответственно в определенной философской доктрине, поскольку философия не изобретает категории, а актуализирует их. И получилось достаточно интересно: картина мира усложняется и конкретизируется в зависимости от синтетичности базовых категориальных установок (сложное включает в себя простое, которое до этого выступало отдельной предпосылкой; например, атомистика воплощает отвлеченно-количественный подход, а софистика — отвлеченно-качественный, которые синтезируются категорией меры, выступающей базовой в платонизме). Маилов давал своеобразное прочтение всей истории философии от Фалеса до Гегеля, но в логически упакованном виде. Для советской системы это был замысел более чем претенциозный. Насколько мне известно, никто из корифеев не предлагал своего логически структурированного прочтения всей истории философии.

Это позволяло нам, студентам, по-другому понять и Гегеля, и Шеллинга, а в этом процессе освободиться от идеологизированных прочтений посредством внимательного вчитывания и вдумывания в тексты. Я, будучи студентом, общался с Евгением Семеновичем с Линьковым. Он очень внимательно изучал тексты, в том числе, немецкую классику на оригинальном языке. Нас же буквально принуждал к их чтению и анализу, используя методы не только убеждения, но и унижения. Подчеркну два важных различия между Линьковым и Маиловым: психологическое и логико-методологическое. Фишку Линькова «Истина — одна». И он, подхвативший штандарт из рук ушедшего в вечность Гегеля, глашатай ее. Признавшие этот факт, неочевидный только для страдающих отсутствием способности суждения, могли попасть в круг

приближенных. За Линьковым всегда ходила свита поклонников и поклонниц, очарованных диалектикой. Его прототип — «Вожачок» (по выражению Маилова) из пьесы Всеволода Иванова «Бронепоезд № 14.69». Анатолий Ильич никогда не давил и ни к чему не принуждал. Соглашаясь с тем, что Истина — одна, он учил нас, что у Истины много ликов, которые зависят от контекста эпохи и личных обстоятельств людей, ищущих Истину. Методика Маилова — убеждение. Методологически Линьков оставался в рамках абсолютного идеализма, причем сильным фихтеанским уклоном. Маилову импонировал агностицизм Канта и неокантианцев, усматривающих в категориях человеческое, а не божественное. Импонировали ему эстетические и мистические мотивы у Шеллинга. Но главное, Маилов пытался выявить самые принципы мышления того или иного автора, не исключая и Гегеля. Сами принципы, т.е. показывал, что означает реальная трансцендентальность. Известный маиловский афоризм: легко ли стать великим философом? Я часто задаю такой вопрос студентам на лекциях, но услышал я его от Анатолия Ильича. Великим философом стать легко: надо просто, выявив принцип мышления всех предшественников, высказать нечто противоположное ему. Либо, наоборот, включить в свою систему принципы всех предшественников, как это сделали Аристотель или Гегель.

Уже у позднего, почти на грани распада советского строя, Маилова обозначается очень интересный поворот. Он говорил мне: «Я сейчас в большей степени начинаю рассматривать категории не как способы теоретической мысли, а как способы этических ориентаций в мире». Это соответствует переходу от теоретического разума к практическому, что в классике не осуществлено, на мой взгляд, в полной мере, а в пост-классической философии сделано. Сначала неокантианцами (школа Риккерта), а лучше всего Максом Шелером. Перед Шелером были неокантианцы, а рядом с Шелером — экзистенциалисты. Это переход от категорий к ценностям (неокантианцы) и экзистенциалам. Удивительно, но Маилов нашупывал этот ход мысли самостоятельно, как бы переживая свершившуюся историю в самом себе. Ведь в стране еще продолжалась эпоха «закрытого общества», говоря языком К. Поппера. И тогда я учился еще в аспирантуре или уже заканчивал ее и не совсем понимал, о чем говорит Анатолий Ильич.

Что еще намечает Маилов в то время? Интересный поворот, который отличает его от классических диалектиков. От Гегеля к позднему Шеллингу. Где он его вычитал, не знаю, тогда опубликовали уже Соловьева. Помню, идем мы от философского факультета к метро Василеостровская, а Маилов мне и говорит: «Дима, ты еще не понимаешь: Гегель — талант, Шеллинг — гений». Я внутренне усмехаюсь и удивляюсь. Как так с Шеллингом? Промежуточная философ, так нам говорили. А Маилов продолжает: «Гегель — рассудочный человек, систематизатор. Шеллинг совершает гениальный переход к философии нового типа». Сейчас мне понятно, о чем речь, я и сам в некотором смысле «поздний шеллингианец», хотя после знакомства с трудами И. Ильина и П. Тиллиха мое отношение к Гегелю существенно улучшилось.

Раскроем тему, которая заявлена в качестве субстанции доклада — пути постсоветской философии. Постсоветская философия — это наш советский постмодерн, и, соответственно, в постмодерне всё переформатируется и разлагается, исчезают устоявшиеся критерии. В России это происходит, с большей степенью интенсивности, поскольку подлинный скептицизм и подлинная постсекулярность у нас начинается именно с распадом коммунистического мифа, а не тогда, когда рухнула православная империя. В этой ситуации уж точно ничего не остается святого, все по-своему правы.

Кроме того, русские склонны к догматизму, и если уж мы стали постмодернистами, то до крови тогда уже будем всё разваливать, так, чтобы мало никому не показалось. Но все отнюдь не так плохо: появляется полная свобода философского творчества. В этой ситуации плюрализм неизбежен.

Какие основные тенденции? Основной поворот в постсоветской философии произошел не от марксизма к идеализму, как это сделала интеллектуальная элита российской империи, выкинутая впоследствии в эмиграцию, а к позитивизму. Позитивизм я понимаю в данном случае в самом широком смысле этого слова. Классический позитивизм уже умер, а Поппер убил и третий (логический) позитивизм. Но остался позитивизм как некоторое умонастроение: давайте будем отказываться от всяческой метафизики — с богом каким-то там, бессмертием. Это всё псевдо-проблемы, а вот науку надо изучать, черпая из нее великую прагматическую мудрость. Это в некотором смысле правильно, поскольку успешность и основание для прогресса общества формируются развитием наук, техники и производства. Современная философия науки, из которой можно почерпнуть немало ценного, сформировалась в русле пост-позитивизма. Еще — феноменология. Позитивизм распространен в англо- и франкоговорящих культурах, феноменология — явление преимущественно германо-французское. Это нечто среднее между позитивизмом и идеализмом, и сам Гусерль говорил о позитивистских тенденциях внутри феноменологии. Влияет ли феноменология? Да, но это один из изводов. Психоанализ тоже в чем-то позитивен. Он акцентирует бессознательную основу и не видит (за исключением юнгианского извода) ничего особо возвышенного. Это основной тренд. Даже аспиранты сдают экзамен не по философии, а по философии и истории науки. Наиболее титулованные позитивисты сосредоточены в ИФ РАН, хотя институт позитивизмом не исчерпывается.

Взаимные перетекания между материализмом и позитивизмом естественны. У них много сходного. Позитивизм не решает однозначно вопрос о первичности материи, заменяя понятие субстанции понятием о функции, и у него нет такой агрессивности, как материалистов. Я считаю, что это разные типы мировоззрений, хотя близкие по целому ряду критериев. Что еще появилось нового в постсоветской философии? — Иррационализм против марксистской доктрины и пришедшего ей на смену позитивистского сциентизма. Отсюда вытекает популярность Ницше и иже с ним. Психоанализ опять-таки некоторыми своими сторонами близок к иррационализму. Ну и конечно экзистенциализм, сочетающий иррационалистические мотивы и феноменологические установки.

Что еще появилось нового? — Если посмотреть, изменив основания ввода, то перед нами предстанут: историософия и культурология. Организационные предпосылки — исторический материализм. Работники кафедр научного коммунизма и истории КПСС переквалифицировались в политологов, а истматчики в культурологов. Тематически эти нововведения связаны с темой особого места России в истории: как нам жить после распада СССР, и т. д. и т. п.

Завершая речь о новом в постсоветское время, нельзя не отметить возвращения к истокам, поворота к русской философии. А в русской философии её наиболее интересная часть — это русский религиозный идеализм: всеединство, интуитивизм, персонализм, а также и люди, которые не укладываются в эти классификации вроде Розанова и др. Религиозная метафизика от Чаадаева и Хомякова до Бердяева и Федотова — самое интересное и содержательное в русской философии. Этот пласт мысли и теологичен и идеологичен, он — аналитичен и профетичен, поэтому может

удовлетворять различные современные интересы. Поворот к традициям русской довоенной философии является влиятельным трендом постсоветского времени. В 90-е гг., в общем контексте религиозного подъема, он был едва ли не доминирующим. Сейчас — вряд ли. У него нет интеллектуальной, коммуникативной и грантовой поддержки с Запада, как это имеет место в случаях с позитивизмом, феноменологией и психоанализом. Институциональные условия, за немногими исключениями, о которых скажем в конце статьи, слабые.

Анатолий Ильич был как раз в этом последнем тренде — к русской религиозной философии. Но туда он вошел самостоятельно, и главное, из гегелевской систематической школы, с диалектико-логической выучкой и со склонностью к систематизации. Конкретизируем тему советской и постсоветской философии, обратившись к творчеству А.И. Маилова. Я считаю, что такие люди как Анатолий Ильич Маилов выполняли функцию хранителя подлинной философии, т.е. той философии, которая не является служанкой политики, а выступает поиском Истины. Такие люди как Маилов не дали советской философии раствориться в мифотеологии вечной материи — с одной стороны, стать прислужницей политики — с другой, погрузиться в изучение далеких от всеобщности и всеединства частностей — с третьей. Они осуществляли миссию хранителя философии, в подлинном ее значении любви к Мудрости, в сложное идеологическое время, когда можно уже было что-то говорить и не поплатиться за это жизнью и свободой.

А что же в постсоветское время? Миссию, которую мог бы исполнить Анатолий Ильич Маилов, сложно интерпретировать в категориях призыва — пророк, апостол, реформатор (а он, я убежден сейчас, претендовал именно на особую призванность). Пророк возвещает или основывает нечто новое, но русская религиозная философия уже состоялась. Апостол проповедует свершившееся от края до края, а реформатор, призывая вернуться к истокам, обновляет традицию. Маилов попытался стать провозвестником. Не знаю, получилось у него или нет, однако он выдвинул целый ряд оригинальных идей в отношении русской религиозной философии. Напомню контекст ее первоначального восприятия: интересно и внове. Розанов: метафизика пола; Шестов: давайте бросимся куда-нибудь в беспочвенность; у Бердяева *Ungrund*, у Булгакова София,— какие необычные темы! И вот Маилов по этим темам начинает говорить: вот тут неправильно, тут правильно. На каком основании он смеет так судить? Ведь мы вошли в пещеру постмодернистского мышления, в сумерках которой любые догмы оборачиваются иллюзиями. У Маилова таким основанием был свет немецкой классики, вершинность которой для эпохи Модернити не отрицают (с разными акцентами) ни марксисты, ни неокантианцы, ни представители позитивизма, феноменологии и экзистенциализма. Что пытался Анатолий Ильич обосновать? Он говорит, что русская религиозная философия есть не только нечто этнически самобытное и культурно-исторически своеобразное. Своеобразие русской метафизики вроде бы не оспаривают. *Он выдвигает очень смелую гипотезу: это высший этап в развитии мировой мысли.* Выше — нет. В каком смысле? Это преодоление классики, в первую очередь немецкой классической философии. Но это преодоление без понижения. А что он считал понижением? Понижением он считал марксизм. Варианты игры на понижение — психоанализ, иррационализм ницшеанского толка. В этом же ряду увлечение Хайдеггером, по поводу которого Маилов вводит термин «хайдэмарксизм». Это всё понижение.

Преодоление классики предполагает критику. Однако критикой не ограничивается. Выше критики — оправдание. В результате процедуры оправдания критикуемое

включается в преобразованном виде в более сложную систему в качестве ее элемента. Но оправдание не тождественно гегелевскому снятию, хотя внешне на него похоже. Снятию подлежит хорошее и плохое, должное и недолжное. Это естественно-генетический процесс, в котором мы наследуем и достижения и болезни (физические и нравственные) своих предков. Оправдание требует различия планов генезиса и теозиса, то есть по сути дела христианской оптики, в рамках которой мир, принятый естественным разумом как некий факт и даже как должное, на самом деле является падшим. Классика, согласно Маилову, должна быть не просто преодолена, но именно оправдана. Эту задачу впервые самостоятельно и по своему сформулировали славянофилы, работая фактически параллельно с поздним Шеллингом и имея перед последним преимущества неперегруженности сознания мифологией и личной включенности в духовную практику православной церкви. В трансцендентальной критике выявляются основания сущего, но в конечном счете они некритически оправдываются, поэтому Чаадаев и заметил о «Критике чистого разума»: апология падшего разума, апология адамова разума. Оправдание в русской религиозной философии не тождественно апологии наличного наличного, а представляет собой подтягивание до некоторого идеала. Потом эту тему творческого преодоления классики подхватит Соловьев, который, несмотря на все пантеистические и гностические уклоны своей системы, пытался строить христоцентрическую онтологию и историософию. Одним словом, преодолеть можно с выходом вверх по вертикали, можно преодолеть с выходом вниз, или с уклоном влево или вправо. Русская религиозная философия не только в России, но и в эмиграции противостояла указанным течениям западной мысли, в которых Маилов не видел прогресса. Он скорее видел распад тех достижений, до которых поднялись Гегель и Шеллинг. Она выполняла и определенную политическую функцию, а именно — противостояния демоническим идеологиям, первая вскрыв духовную сущность большевизма и фашизма.

Русская религиозная философия в эмиграции обогатилась и сама оплодотворила западную мысль, в первую очередь экзистенциальную. Маилов говорил, что она единственная адекватно выполнила миссию критики атеистического экзистенциализма, при том, что сам экзистенциализм — это позитивная тенденция. Я с ним согласен: тенденция на примат личности в бытии, на примат события по отношению к пространству. И только в русской религиозной философии прозвучала аргументированная критика радикального протестантизма, в частности, Карла Барта с его специфически протестантским акосмизмом, десинергитизирующим бого воплощение. Русская философия обогатила и католический экзистенциализм Габриеля Марселя, и диалектическую теологию Пауля Тиллиха. Как можно это узнать? Главным образом по журналу «Путь». Поэтому Маилов в последние годы работал над журналом «Путь», который он называл «библией русской религиозной философии». В 90-е гг. вышла серия его брошюр, посвященных русской философии в «Пути», но они не равнозначны по содержанию.

Почему же, согласно Маилову, русская религиозная философия представляет собой высший этап в развитии мысли? По крайней мере, другой? Сдвиг парадигмы произошел. Сама сетка категорий,— не проблем, потому что проблемы у философии примерно одни и те же на протяжении всего ее развития, а именно система исходных принципов мышления в русском религиозном идеализме изменилась по сравнению с классикой. И она другая, чем в европейской постклассике. Самый главный переход — от развития к творчеству. Т.е. от принципа развития как важнейшего онтологического постулата к рассмотрению творения и творчества как основных причин происхождения сущего

и его изменений. Отсюда изменение планов анализа, появляется генетический план, когда сущее берется в своей относительной самостоятельности, появляется план отношения к Богу, то есть различаются генезис и теозис. В гносеологии этому соответствует переход от критики к оправданиям, о чем уже говорилось выше. Ну и потом различие между предикативной философией и субъектной. Маилов, очевидно, заимствовал это у Булгакова или у Бердяева. Истина находится не на стороне предикатов, читай каких-то отвлеченных атрибутов, а на стороне субъекта. А кто выступает субъектами? В религиозной философии — это Бог и человек. Соответственно, на указанных основаниях может быть выстроена субъектно-персоналистическая онтология.

Завершим наш обзор творчества Маилова переходом от планов и возможностей к тому, что свершилось в действительности. Маилов стал говорить о смене самой сетки категорий, но, будем откровенны, не прописал это ясно. За категориями группы или уровня «понятия», как это значится в гегелевской «Науке логики», должны располагаться, согласно поздней гипотезе Маилова, категории группы Сущего. Не в хайдеггеровском смысле сущего с маленькой буквы, а в смысле Соловьева и Бердяева, которые говорят о Сущем как об имени Бога. Но Хайдеггер и Гартман, прямо скажем, сумели тематизировать различия между бытием и сущим, сделав это весьма убедительно во многих книгах. Это достаточно продуктивная дифференциация, я сам ее использую, хотя вижу задачу и в том, чтобы выявить онтологические различия между бытием и Сущим. Анатолию Ильичу тематизировать указанные различия не удалось. По ряду причин. Но задача была им заявлена. Понятно, что Анатолий Ильич не состоялся как самостоятельный мыслитель калибра Бердяева или Булгакова. Но мы его знаем, он их пропагандировал, открывал их нам. Но вот собственных системных книг на концептуальной платформе русского идеализма у Маилова нет.

Однако некоторые его идеи получили вторую жизнь в РХГА. Но не все. Я, когда обосновывал концепцию, сознательно и бессознательно опирался на его идеи. Речь идет о моей главной (пока) книге — «Мышление и откровение». Так обстоит дело и с самым известным научно-просветительским проектом РХГА — издательской серией «Русский Путь: pro et contra», где в центре стоят персоны, осмысливаемые по принципу «за и против». Хотя Анатолий Ильич критично относился к самой серии, считая жанр антологий недостаточно концептуальным. Анатолий Ильич не породил школы, как это сделал Е.С. Линьков. А.И. Маилов сам был высоко индивидуализированной личностью и всячески поощрял оригинальность в своих учениках и поклонниках. Мне он говорил: моя задача не препятствовать Вашему творческому росту. Хотя школы он не создал, ему удалось поучаствовать в воспитании тех, кто сейчас формирует даже и не школу, а нечто большее: институциональные условия для воспроизведения традиций русского философствования на систематической основе.

Анатолий Ильич иногда вспыльчивый был, пристрастия у него в философии были определенные, хотя любил писать об отличиях между при-страстием и при-частием. Уж если любил, то любил, а если не любил, то тоже пристрастно. Вот Карсавин ему не понравился, Маилов будет его с разных сторон шпионять. Уже позднее, познакомившись с книгой А.А. Ванеева «Два года в Абези», Маилов уяснил для себя, что он, оказывается, в свою бытность по окончании Суворовского училища офицером конвойных войск НКВД, этапировал Л.П. Карсавина. Но лучше от этого его отношение к русскому философу, по-моему, не стало. Самая интересная у него книжка, по-моему, про Льва Шестова, тут явно пристрастия, но хотя бы по делу, чего с Карсавиным не скажешь. Маилов считал скрытым религиозным основанием философии Л. Шестова

ветхозаветный иудаизм. Я продолжил тему скрытых религиозных оснований философских концепций в «Мышлении и откровении», анализируя типы мировоззрений. Два любимых его автора — это Булгаков и Бердяев. Мне они тоже симпатичны. Он говорил: «Бердяев (хотя дураки его журналистом считают) глубокий очень, я о нем свою самую последнюю книжку напишу». Не получилось. В принципе это не им придумано, что Бердяев — это русский Гегель, так написано, по-моему в некрологе «Таймс» или «Нью-Йорк таймс». Страдал он и увлечением, характерным для русской философии в целом — захваченностью сегодняшним днём. Оно тянуло его от вечности, слишком много идеологии в его статьях. И критики вместе с этим. В свое время Анатолий Ильич попадал в парторганы, его критиковали там и грозились исключить из партии. А здесь он сублинировал, мне кажется, свое желание покритиковать и обличить кого-то. По пришествии 15 или 20 лет это становится явным.

Но я убежден, А.И. Маилов стал тем человеком, который не просто что-то сохранил и пропонтал собственную тропу, которая зарастет быльем после его смерти, а смог внести свой вклад в формирование современного философского пространства, в том числе в этой магистральной линии, которая связана с экзистенциальной религиозной философией. Его заслуга в попытке не противопоставить её классике, а соединить, истолковав русскую мысль как очень глубокий и интересный этап в развитии мировой философии.

Завершить статью, посвященную моему учителю, хочу словами из некролога, помещенного в нашем журнале год назад: «В вечность ушел не просто доцент или профессор, в вечность ушел философ. Он учил нас принимать вечность как высшую мудрость — Софию, будем надеяться, что вечность приняла его с любовью».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 1. С. 440.